

ХОЗЯИН ВЕЩЕГО ГРОДА

Предыстория

Сага Иной Лес
Дмитрий Артюхов

Иной Лес

Дмитрий Артюхов

Иной Лес. Хозяин Вещего Брода

«Автор»

2026

Артюхов Д. В.

Иной Лес. Хозяин Вещего Брода / Д. В. Артюхов — «Автор»,
2026 — (Иной Лес)

Здесь не ломают сухих веток, чтобы не разозлить Лесовика. Здесь платят кровью за каждый шаг по чёрному льду. Здесь Топь-Дева стучится в окна голосами мёртвых родственников, умоляя пустить её погреться. Волкомыс пятнадцать лет стерёг Вещий Брод в полном одиночестве, медленно теряя рассудок и человеческий облик. Но самое страшное испытание пришло не из-за Кромки. Оно пришло со звуком плотницкого топора. Люди вернулись на гиблую землю. Бесплатная ознакомительная повесть из цикла «Иной Лес». Глубокое погружение в шаманизм, отчаяние и выживание в мире, где боги давно отвернулись от людей. «Хозяин Вещего Брода» — мрачный приквел к роману «Корчма на Вещем Броду». История о том, как дикий зверь снова учился быть человеком.

Дмитрий Артюхов

Иной Лес. Хозяин Вещего Брода

Глава 1. Цена тишины

Гниломорье. Так называли это время старики, когда-то давно, когда у Волкомыса еще были старики. Октябрь догнивал, осыпаясь в лужи чёрной, маслянистой листвой. Небо висело так низко, что, казалось, цеплялось брюхом за макушки мертвых елей.

Волкомыс потянул сыромятный ремень. Кожа разбухла, покрылась склизкой речной плёнкой и резала онемевшие пальцы. Вода у дальнего берега Вещего Брода обжигала, словно в неё щедро плеснули толченого льда пополам с калёным железом. Охотник глухо выдохнул сквозь стиснутые зубы – не от боли, а чтобы разогнать давящую, тяжелую тишину.

– Твоя взяла, кривобокая, – хрипло бросил он старой раките, чьи голые корни уходили прямо в топь. Голос прозвучал скрипуче, как несмазанная телега. – Забирай силок. Жрешь, жрешь, а всё впроголодь.

Дерево, естественно, молчало. Волкомыс знал, что раките плевать на его слова. Но если молчать неделю кряду, слушая только бульканье травесины да вой ветра в камышах, можно забыть, как складывать звуки в слова. А забывший человеческую речь быстро становится просто еще одним зверем на прокорм Лесу.

Он отпустил застрявший ремешок и тяжело поднялся на глинистый берег. Мокрые кожаные порты облепили ноги ледяным панцирем. Волкомыс ступал след в след, тщательно огибая рыжие кочки. На этом берегу правила были жестче, чем на том, где стояла его полуземлянка. Здесь нельзя было ломать сухие ветки – Лесовик не выносит хруста, принимая его за ломающиеся кости. Здесь нельзя было сплевывать в стоячую воду – Хозяин Омута утрётся, а ты до самой весны будешь тиной харкать, пока не задохнешься.

Третий силок лежал за Кривым Яром, в зарослях пожухлого малинника. Волкомыс подошёл ближе, и его ноздри, давно привыкшие вычленять нужные запахи из сырой осенней прели, хищно раздулись.

Пахло не честным зверем. Пахло так, словно кто-то разворотил старую, давно забытую могилу, в которую натекла тухлая талая вода.

На примятой, побуревшей траве лежал русак. Вернее, то, что от него осталось. Зверька не сожрали – его разорвали пополам, небрежно, одним рывком, выпотрошили и бросили, словно грязную ветошь. Серая шкура висела клочьями, внутренности уже успели подмерзнуть на утреннем морозце, покрывшись сизой коркой.

Охотник опустил на одно колено, не обращая внимания на то, как ледяная грязь мгновенно пропитывает штаны.

Рысь рвёт иначе, аккуратнее. Волк жрёт жадно, с хрустом перемалывая кости. Медведь сюда бы не сунулся. Это сделал кто-то, у кого были руки. Пальцы.

Волкомыс перевел взгляд на вязкую глину у самой кромки воды. Там, где волны лениво лизали берег, отпечатались следы. Глубокие. Тяжёлые. Вода уже начала их размывать, но контуры читались ясно.

Двуногие.

Он наклонился к самому отпечатку. Густые, давно не мытые волосы упали на лицо, но он не стал их отбрасывать. След был неправильным, больным. Там, где должна быть округлая человеческая пятка, глубоко в грязь впечатались длинные, когтистые пальцы. А впереди, в сторону леса, смотрела тупая, плоская вмятина.

Вывернутые ступни.

Тварь пришла со стороны брода. Вышла из воды, разорвала зайца просто ради забавы или злобы, и ушла в чащу, оставив за собой этот густой, тягучий шлейф мёртвой воды и тления.

Волкомыс медленно вытер перепачканные в чужой крови пальцы о полу своего жесткого тулупа. Рука сама потянулась к рукояти тяжелого засапожного ножа.

Зима ещё не легла, лед не сковал реку, а Иномирье уже начало пробовать границу на зуб. Охотник посмотрел на черную воду Вещего Брода. Вода ответила ему слепым, равнодушным блеском.

– Не удержишь, значит, – тихо констатировал он, обращаясь к реке. – Слабеешь.

Нужно было возвращаться на свой берег. До темноты следовало заплатить пошлину Хозяину Омута, иначе этой ночью в дверь землянки постучит не только ветер.

Глава 2. Хозяин Омута

Волкомыс вышел к Вещему Броду, когда гнилое небо окончательно налилось сумерками. Здесь река не замерзала даже в самые лютые зимы. Чёрная, густая вода ворочалась в русле тяжело, с надрывом, будто живое, закованное в берега чудовище. От её поверхности тянуло стылым паром и густым запахом потревоженной донной слизи.

На том берегу, за полосой мертвого камыша, едва угадывался склон, ведущий к его землянке. Но между берегами лежал Омут.

Охотник скинул с плеча мокрую кожаную суму. Покопавшись внутри, вытянул тощую тушку рябчика, снятую с утреннего силка. Птица была крошечной, одна жесткая кожа да кости, но для пошрины годилась любая чистая кровь. Разорванного русака Волкомыс оставил гнить там же, в малиннике – Хозяин Омута не примет падаль, осквернённую чужой, навьей слюной. Такая «дань» могла лишь разозлить того, кто спал на дне.

Он подошёл к самому краю глинистого обрыва. Грязь под сапогами недовольно зачавкала.

– Принимай, Хозяин, – глухо бросил Волкомыс и швырнул рябчика на середину потока, туда, где вода казалась гуще дегтя.

Тушка ударилась о поверхность с неестественно громким шлепком. Она не поплыла по течению, как полагалось бы куску мертвого мяса. Вода вокруг птицы вдруг вспенилась, закрутилась крошечной, жадной воронкой.

Со дна поднялся мутный, маслянистый пузырь. Лопнул, обдав лицо Волкомыса удушливой вонью тухлых водорослей, болотного газа и старого, слежавшегося в ямах ила. За ним второй, третий. Чёрная вода на мгновение закипела.

Охотник стоял неподвижно, опираясь на древко рогатины. Инстинкт, отточенный годами одиночества, орал благим матом, требуя отступить, вжаться в спасительные заросли ольшника. Озноб колотил его изнутри, пробираясь под самые ребра. И это был не осенний мороз. Это был хтонический, липкий холод чужого, нечеловеческого взгляда, устремлённого на него из-под толщи воды.

Там, в мутной глубине, скользнула тень.

Что-то массивное, бледно-зелёное, раздутое, как тело утопленника, пролежавшего в тине не одну седмицу. На секунду к поверхности взмыла широкая, плоская конечность, усеянная тусклой рыбьей чешуёй размером с хорошую медную бляху. Вода утробно чавкнула, смыкаясь. Рябчик исчез, не оставив после себя даже перышка.

Омут принял плату.

Волкомыс шумно выдохнул, чувствуя, как разжимаются сведенные судорогой мышцы спины.

Каждый раз, глядя в эту проклятую воду, он вспоминал. Вспоминал не умом – помнил костями.

Когда-то на этом самом высоком берегу стояли крепкие срубы. Его род. Мельница скрипела на перекате, бабы по утрам звонко колотили вальками порты на деревянных мостках. Но

старший рода, его дед, оказался непомерно жаден и горд. Решил, что клятвы, данные Лесу при закладке первого венца – пустые бабы сказки. Срубил священную рощу на новые амбары. Не бросил Водяному весеннюю требу, пожалев первого, жирного ягненка.

Лес не стал спорить. Лес просто взял своё.

Волкомыс помнил ту ночь обрывками, как липкий, дурной морок. Чёрная вода, поднявшаяся из русла без дождя и паводка. Она не просто топила берега – она вползала в избы, тяжелая и густая, как живая смола. Крики соседей, резко захлебнувшиеся в темном бульканье. Жуткие тени с белесыми рыбьими глазами, скользящие между затопленных венцов, беззвучно утаскивающие на дно тех, кто пытался плыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.